

Ю.А. Петров
*директор Института
Российской истории РАН
доктор исторических наук, профессор,
Москва*

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 Г. И ФАКТОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

Россия, как известно, принадлежала к числу государств «догоняющего» типа экономического развития, вступив на путь современного индустриального роста позже ведущих стран Западной Европы и США. Какую роль в ускорении экономического роста страны сыграла отмена крепостного права в 1861 г.? При всей внешней очевидности ответа (реформа, разумеется, стала решающим фактором перехода к рыночной экономике) этот вопрос в историографии продолжает оживленно дебатироваться. Оценить и взвесить «фактор свободы» - весьма непростая задача, поскольку здесь легко впасть в распространенное логическое заблуждение – «после того, значит, вследствие того». К тому же, нет и прямых статистических данных, характеризующих воздействие этого фактора. В известном смысле этот показатель является синтетическим и складывается как сумма данных, косвенным образом отражающих изменения, обусловленные переходом от крепостнической системы хозяйства к рыночной.

Традиционно западная историография делала акцент на активной роли государства в экономической жизни страны и западных инвестициях как двух основных факторов преодоления Россией экономической отсталости. Внутренние негосударственные силы ею в расчет не принимались. В последнее время в отечественной историографии, напротив, наметилась тенденция углубленного изучения российского предпринимательского мира как производного реформы 1861 г. и главного игрока на экономическом поле в пореформенный период.

Подчеркнем, прежде всего, что история индустриального роста страны была неразрывно связана с органическим процессом разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Еще в дореформенную эпоху наметились две линии индустриального прогресса. Первая была связана с применением западных форм крупного промышленного (мануфактурного) производства на основе использования принудительного труда крепостных крестьян. По этому пути развивались горно-металлургическая индустрия Урала, а также отрасли, где проявило себя дворянское предпринимательство (винокурение, суконное, полотняное, свеклосахарное и др. производства). Путь этот в конечном итоге оказался тупиковым и с отменой крепостного права «дворянская» промышленность либо захирела, либо перешла на рельсы нового экономического строя, в основе которого лежало частное предпринимательство и наемный труд.

Именно эта вторая модель индустриального роста стала магистральной линией экономического роста в пореформенный период. В основе ее лежало возникновение промышленных предприятий на наемном труде крепостных крестьян, которых помещики переводили на денежный оброк. В поисках средств для его уплаты такие крестьяне либо уходили в города, либо занимались отхожими промыслами у себя в деревне. На этом пути, в частности, выросла российская хлопчатобумажная промышленность. Именно крестьянская текстильная промышленность, возникновение которой в конце XVIII – начале XIX в. стало результатом разрушения натуральной системы хозяйства, послужила основой складывания индустриального развития страны. Работавшая на широкий потребительский рынок, сравнительно независимая (по сравнению с

тяжелой индустрией) от казенных заказов и иностранных инвестиций, выросшая от крестьянских «светелок» до оборудованных по последнему слову западной техники текстильных комбинатов, текстильная индустрия, сосредоточенная, прежде всего в Центральном районе, послужила залогом органического и автономного промышленного роста страны⁵²⁷.

И, хотя удельный вес текстильного производства с появлением в пореформенный период других промышленных отраслей (прежде всего тяжелой индустрии) постепенно снижался, вплоть до 1913 г. она оставалась самой крупной отраслью российской промышленности. На его долю к тому времени приходилось около 30% валовой стоимости промышленной продукции (см. табл. 1). А общая доля всех отраслей, рост которых был результатом рыночной эволюции сельского хозяйства (текстильной, пищевой, обработки животных продуктов) – накануне Первой мировой войны составляла около 55%.

Таблица 1

Отраслевая структура промышленного производства в России, 1913 г. (млн. руб.)⁵²⁸

Год	Текстильная	Пищевая	Обработка животных продуктов	Горнозаводская	Металлообработка	Химическая	Строительных материалов	Деревообработка
1913 (% к итогу)	1854,9 (28,6)	1443,7 (22,3)	240,4 (3,7)	1182,4 (18,3)	769,0 (11,9)	478,6 (7,4)	187,7 (2,9)	315,4 (4,9)

В результате бурного индустриального роста объем промышленного производства за 1887 – 1913 гг. вырос в 4,6 раза. Особенно динамично развивалась тяжелая промышленность – металлообработка и горнозаводская индустрия – металлургия, угле- и нефтедобыча. На изменения отраслевой структуры решающим образом повлияло широкое железнодорожное строительство 1860 – 1880-х гг., потребовавшее создания ряда новых отраслей. Гигантский скачок в своем индустриальном развитии Россия совершила в 1890-х гг., в период бурного экономического подъема, когда всего за десятилетие промышленное производство в стране удвоилось.

«Темпы роста царской экономики, - по наблюдению американского экономиста П. Грегори, - были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX – начала XX века. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция»⁵²⁹. По важнейшим экономическим показателям Россия значительно приблизилась к ведущим странам Запада. По абсолютным размерам добычи железной руды, выплавке чугуна и стали, объему продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на четвертое-пятое место в мире, а в нефтедобыче на рубеже XIX – XX вв. стала даже мировым лидером благодаря созданию Бакинского нефтепромышленного района. Протяженность российской железнодорожной сети являлась второй в мире, уступая только США.

Промышленные подъемы конца XIX в. и 1909 – 1913 гг. существенно продвинули страну по пути индустриального развития. Согласно расчетам, вы-

⁵²⁷ См.: Петров Ю.А. Российская экономика в начале XX века // Россия в начале XX века / Под ред. акад. А.Н.Яковлева и др. М., 2002. С.168 – 223.

⁵²⁸ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988.С.63. Табл. 5. Подсчеты процентного соотношения наши – Ю.П.

⁵²⁹ Gregory P. Russian National Income, 1885-1913. Cambridge Univ. Press, 1982. P.192.

полненным сотрудниками аппарата Лиги Наций в рамках сравнительного изучения процессов индустриализации и развития международной торговли, доля России в мировом промышленном производстве, составлявшая в 1881 – 1885 гг. 3,4%, возросла к 1896 – 1900 гг. до 5,0%, а к 1913 г. – до 5,3% (см. табл. 2).

Таблица 2.

Доли России, США, Великобритании, Германии и Франции в мировом промышленном производстве (в %) ⁵³⁰

Страны	1881 – 1885 гг.	1896 – 1900 гг.	1913 г.
Россия	3,4	5,0	5,3
США	28,6	30,1	35,8
Великобритания	26,6	19,5	14,0
Германия	13,9	16,6	15,7
Франция	8,6	7,1	6,4

Между тем доли передовых индустриальных государств, за исключением США, с конца XIX в. стали снижаться. Россия устойчиво опережала их по темпам роста промышленного производства, вследствие чего ее отставание от Великобритании сократилось в 1885 – 1913 гг. втрое, а от Германии – на четверть.

Гораздо менее заметны были сдвиги при расчете продукции индустрии на душу населения, что в немалой степени объяснялось чрезвычайно высоким темпом прироста населения страны. Рост населения, прежде всего сельского, сводил почти на нет успехи российской индустриализации. Доля России в мировом промышленном производстве (5,3% в 1913 г.) далеко не соответствовала доле ее населения среди жителей земного шара (10,2%). Из отдельных видов промышленной продукции исключение составляли только нефть (17,8% мировой добычи) и сахар (10,2%). По производству промышленной продукции на душу населения Россия продолжала находиться на уровне Италии и Испании, уступая во много раз передовым индустриальным державам.

И в начале XX в. Россия продолжала оставаться страной со значительным преобладанием сельскохозяйственного производства над промышленным. Стоимость сельскохозяйственных производственных фондов России к 1914 г. равнялась 13 089 млн. руб., промышленных – 6 258, железнодорожных – 6 680 и фондов торговли – 4 565 млн. руб.⁵³¹ Хотя очевиден перевес новых форм экономической деятельности, стоимость промышленных фондов империи еще в вдвое уступала народному богатству, накопленному в сельскохозяйственном секторе. Однако следует признать, что Россия в пореформенный период вступила в фазу перехода к индустриально-аграрному обществу.

В немалой степени этот рост был связан с активной политикой государства в экономической сфере. Правительство способствовало железнодорожному строительству, созданию тяжелой индустрии, росту банков, протекционистской защите отечественной промышленности и тем самым – развитию индустриального производства. В то же время руководство империи неуклонно и последовательно отстаивало систему государственного контроля и управления экономикой, защищало интересы «первенствующего сословия» империи – дворянства, ограничивало свободу предпринимательства, консервировало архаичные порядки в деревне⁵³². Политика эта обрела свое воплощение в деятельности

⁵³⁰ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. Отв. ред. А.П. Корелин. СПб., 1995. С.51. Табл.8.

⁵³¹ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. М., 1988. С.34. Табл. 2.

⁵³² См.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. Отв. ред. Б.В. Аваняч. СПб., 1996. С.405.

С.Ю. Витте, крупнейшего государственного деятеля дореволюционной России, министра финансов в 1892 – 1903 гг.

Витте был убежден, что ускоренное развитие национальной промышленности возможно только за счет интенсивного использования государственного хозяйства. «В России, - писал он Николаю II в 1895 г., - по условиям жизни нашей страны потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность...»⁵³³.

Американский экономист А. Гершенкрон в духе воззрений Витте выдвинул концепцию, согласно которой государственное вмешательство сыграло решающую роль в индустриализации царской России. Наряду с иностранными инвестициями, экономическая политика правительства послужила, на его взгляд, компенсирующим фактором, позволив патриархальной империи за короткий исторический срок войти в число относительно развитых индустриальных держав. Стимулирование экономического роста, по Гершенкрону, помимо общепротекционистской политики достигалось путем бюджетного перераспределения налоговых средств из аграрного сектора в индустриальный. Он полагал, что именно политика индустриализации, осуществлявшаяся за счет средств, выкачиваемых из деревни, привела к революции 1905 г. Когда платежеспособность сельского населения была исчерпана, «терпению крестьянства пришел конец»⁵³⁴.

Вероятнее всего, наблюдения Гершенкрона явились попыткой объяснения промышленного взлета пореформенной России бюджетными механизмами по аналогии с советской экономикой, в рамках которой индустриальный рост действительно инициировался бюджетным перераспределением национального дохода. Последующие исследования не подтвердили этот тезис. Государство действительно играло весьма активную роль в экономической жизни предреволюционной России, но вряд ли можно говорить о «насаждении» им промышленности по каналам перераспределения налоговых средств. Не было обнаружено перелива капиталов через бюджет из аграрного в индустриальный сектор, бюджетная политика поздней имперской России в этом отношении была, по крайней мере, нейтральной⁵³⁵.

Основную часть бюджетных средств приносили налоговые начисления на предпринимательскую деятельность («промысловый налог»), доходы от эксплуатации казенных железных дорог, протяженность которых превышала 40 тыс. км из 70 тыс. км общероссийской сети, а также от введенной С.Ю. Витте винной монополии, согласно которой государство являлось единственным продавцом крепких спиртных напитков. Приоритетными же расходными статьями имперского бюджета оставались затраты на оборону страны и административное управление.

Впрочем, та же картина наблюдалась и в экономически развитых европейских странах, где бюджетное финансирование экономического роста как осознанная политика берет свое начало не ранее мирового кризиса конца 1920 – начала 1930-х гг. Индустриальный прорыв России рубежа XIX – XX в. отнюдь не был заслугой правительства, во всяком случае - не только правительства. Государство в дореволюционный период являлось не столько инвестором эко-

---

⁵³³ Цит. по: Власть и реформы. С.416.

⁵³⁴ См.: *Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. A Book of Essays.* Cambridge, Massachusetts, 1962. P.132.

⁵³⁵ См.: *Gregory P. Op. cit. P.192 – 194.*

номики (за исключением железнодорожного хозяйства, где казенные капиталовложения действительно были велики), сколько получателем дохода от экономического роста. В историографии сложилось обоснованное мнение, что российская индустриализация могла бы быть столь же быстрой или даже более динамичной и с меньшими издержками для общества, если бы государство играло менее активную роль в проведении индустриализации и пошло бы вместо этого на частную инициативу и свободные рыночные силы⁵³⁶.

Экономическая политика Витте, которой принято сейчас восхищаться, усугубила отставание сельского хозяйства и усилила казенный контроль за частнопредпринимательской инициативой. Вплоть до 1917 г. в России сохранялась разрешительная система акционерного учредительства, тогда как в странах Западной Европы действовала более прогрессивная – явочная, не зависящая от чиновничьего «усмотрения». Развитие национальной промышленности неминуемо сталкивалось с узостью внутреннего рынка как следствием стагнации аграрного сектора. Аграрная реформа П.А. Столыпина стала запоздалой реакцией правительства на эту диспропорцию, но в условиях внутри- и внешнеполитических кризисов начала XX в. не смогла решить эту важнейшую для экономического роста страны задачу.

Помимо политики государства существенным фактором ускорения экономического роста России являлись и иностранные капиталовложения в двух основных формах: займовой и инвестиционной. К 1914 г. государственный долг страны выражался суммой 8824,5 млн. руб., в том числе 7153 млн. – займы («на общегосударственные потребности» и остальные 1671,5 млн. – долги по облигациям железнодорожных обществ, гарантированные правительством. По размерам государственного долга Россия в мировой табели о рангах шла на втором месте после Франции и на первом – по абсолютным размерам связанных с займами платежей. Платежи в 1913 г. составили 424 млн. руб. (13% расходной части бюджета) и являлись второй по объему статьёй бюджета после военных расходов империи⁵³⁷.

Средства от прямых заимствований правительства на так называемые «общегосударственные потребности» использовались на покрытие военных расходов, для расчетов по старым займам, для пополнения свободной наличности казначейства и т.п. цели, далекие от производительного употребления. Помимо госзаймов и гарантированных правительством железнодорожных фондов в состав государственного долга России должны быть включены и обязательства государственных ипотечных банков (Дворянского и Крестьянского)⁵³⁸. Усиленная эмиссия закладных листов и свидетельств казенных ипотечных банков была связана со столыпинскими преобразованиями в деревне.

Отечественные экономисты той эпохи остро критиковали политику правительства за долговую зависимость от европейского денежного рынка, упрекая финансовое ведомство «за занимание за границей денег направо и налево, на всяких условиях, лишь бы сводить концы с концами и уравнивать всегда невыгодный для нас расчетный баланс»⁵³⁹. Но вместе с тем экспертами признавалось, что долговое бремя не угрожает статусу России как великой державы и

⁵³⁶ См.: *Бовыкин В.И.* Россия накануне великих свершений. С.55 – 56.

⁵³⁶ Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С.38, 77 – 81.

⁵³⁷ Там же.

⁵³⁸ Справочная книжка для держателей русских государственных и гарантированных правительством процентных бумаг. СПб., 1913. С.23 – 26, 109, 248, 263.

⁵³⁹ *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769 – 1906). Т.III. Харьков, 1907, С.1108.

даже вообще не является слишком тяжелым по сравнению с другими европейскими странами.

Переходя к обзору внутреннего и внешнего долга в отдельности, необходимо заметить, что долг внутренний, несмотря на шумную кампанию в правой и леворадикальной прессе против растущего «закабаления» России иностранным капиталом, рос опережающим темпом по сравнению с внешним, что свидетельствовало о постепенной переориентации займовой политики на внутренние резервы (см. табл. 3).

Таблица 3.
Внутренний и внешний государственный долг России, 1900 и 1913 гг.
(млн. руб.)⁵⁴⁰

Год к 1 января	Внутренний долг	% к итогу	Внешний долг	к итогу	Всего	%
1900	3 871	49,2	3 995	50,8	7 866	100
1913	7 095	56,5	5 461	43,5	12 556	100

Долг внутренний за 1900 – 1913 гг. поднялся на 3224 млн. руб. или на 83%, тогда как внешний – на 1466 млн. или на 36%. В итоге же удельный вес внутреннего долга к 1913 г. превысил внешнюю задолженность, составив 56,5% против 43,5%, хотя еще в начале века соотношение их было практически равным. Благодаря интенсивному экономическому развитию накануне мировой войны внутренние источники стали играть решающую роль при формировании государственной задолженности.

На какие цели использовались поступления по государственному долгу? Со времен Витте идеологической основой расширения государственной задолженности являлся тезис о недостатке в России внутренних накоплений. Но, как видно из данных табл. 4 о структуре внешних и внутренних государственных обязательств по объектам вложения, те немалые внутренние ресурсы, которые стягивались в казну по государственным обязательствам, отвлекались от производительного помещения.

Таблица 4.
Структура государственных обязательств России по объектам вложения на 1 января 1914 г. (млн. руб.)⁵⁴¹

Вид государственных обязательств	«Общие нужды» ⁵⁴²	% к Итогу	Железнодорожное строительство ⁵⁴³	% к итогу	Казенная ипотека ⁵⁴⁴	% к итогу	Всего
Внешние	1591	27,8	3546	75,0	267	12,1	5404
Внутренние	4131	72,2	1270	25,0	1940	87,9	7341
Итого	5722	100,0	4726	100,0	2207	100,0	12745

Как следует из данных таблицы, почти $\frac{3}{4}$ «общих нужд» империи, т.е. расходов, связанных с государственным управлением и целями внешней поли-

⁵⁴⁰ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений. С.66.

⁵⁴¹ Бовыкин В.И. К вопросу о роли иностранного капитала в России // Вестник Московского университета. 1964. № 1. С.70.

⁵⁴² «Общие (или «общегосударственные») нужды» - расходы на цели внутренней и внешней политики правительства из займовых средств.

⁵⁴³ Затраты на строительство и эксплуатацию железных дорог в форме государственных и гарантированных правительством целевых железнодорожных займов.

⁵⁴⁴ Казенная ипотека – обязательства государственных земельных банков, Дворянского и Крестьянского.

тики, покрывалось за счет внутренних накоплений. Строительство железнодорожной сети, напротив, на $\frac{1}{4}$ субсидировали из внешних займовых источников. Внутренние накопления более производительно использовались в сфере казенного ипотечного кредита, где в условиях столыпинской аграрной реформы значительных масштабов достигла деятельность обоих казенных банков. В целом можно сказать, что внутренний долг накануне мировой войны служил целям финансирования правительства и его ипотечных банков, внешний же использовался как компенсатор внутренних накоплений, отвлеченных через систему государственного кредита на непроизводительные цели.

Что касается частных заграничных инвестиций, то их привлечение С.Ю. Витте считал основой своей финансовой системы. «Приток иностранных капиталов, - докладывал он Николаю II в 1899 г., - является, по глубокому убеждению министра финансов, единственным способом ускоренного доведения нашей промышленности до такого положения, при котором она будет в состоянии снабжать нашу страну изобильными и дешевыми продуктами»⁵⁴⁵. Министр имел в виду иностранные капиталовложения как часть своей протекционистской, основанной на покровительственном таможенном тарифе, системы, рассчитывая вывозом товаров в Азию погашать долги империи в Европе.

Таким образом, в акции и облигации российских акционерных компаний к 1913 г. было инвестировано 1571 млн. руб. иностранных капиталов или 18,6% от общего объема частных инвестиций. Для адептов политики Витте это соотношение иностранного и отечественного капитала являлось воплощением «золотого моста», по которому в Россию притекали спасительные иностранные инвестиции, для оппонентов – безусловным доказательством угрозы национальной безопасности и потери экономической самостоятельности. Эта дихотомия суждений сопровождала иностранные инвестиции в российской экономике и в последующие времена.

Таблица 5.

Российские ценные бумаги, размещенные в России и за границей на 1 января 1913 г. (% от итога) (млн. руб.)⁵⁴⁶

Частные инвестиции (облигации займов городских муниципалитетов, закладные листы акционерных коммерческих банков, акции и облигации российских акционерных компаний)	8437 (100)
Размещено в России	6866 (81,4)
Размещено за границей	1571 (18,6)

Резюмируя, можно констатировать, что иностранный капитал являлся важным, хотя отнюдь не определяющим фактором экономического развития страны. Удовлетворяя назревшие потребности российского народного хозяйства, ориентируясь на внутренний рынок, переплетаясь и срашиваясь с отечественным капиталом, иностранный капитал интегрировался в процесс индустриализации страны, облегчив продвижение по этому пути и подтолкнув со-

⁵⁴⁵ Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю.Витте о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи. 1899 г. // Материалы по истории СССР. Т. VI. Документы по истории Монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 173 – 174, 176 – 178, 184.

⁵⁴⁶ Россия. 1913 год. С.179 – 181.

здание целого ряда отраслей экономики (например, угольно-металлургический район Донбасса)⁵⁴⁷.

Государственные обязательства в структуре международной задолженности страны в начале XX в. стали замещаться динамичными прямыми инвестициями, экономически более эффективными, нежели казенные займы, значительная часть которых расходовалась автократическим режимом на поддержание имперского величия. Однако Первая мировая война разрушила эту оказавшуюся довольно хрупкой финансово-экономическую систему. С началом военных действий инвестиционный поток из Европы в Россию прервался, а система золотого обращения была ликвидирована во всех воюющих странах.

Таким образом, заметного экономического прогресса России добилась не в последнюю очередь благодаря заграничным капиталовложениям в ссудной и инвестиционной форме, которые сыграли немалую роль в деле индустриализации страны, облегчив ей первые шаги в этом направлении и подтолкнув создание ряда новых отраслей промышленности и транспорта. Впрочем, в этом отношении Российская империя принципиально не отличалась от других стран, вступивших на путь капиталистической модернизации с некоторым опозданием и пользовавшихся поддержкой более развитых соседей (например, Германии, в течение XIX столетия совершившей громадный скачок в индустриальном развитии).

Плата за помощь капиталами и технологиями («ноу-хау») была немалой, но, во-первых, хотя услуги иностранных бизнесменов отнюдь не были филантропией и щедро оплачивались, экономический эффект оказывался выше, и в конечном счете, эти инвестиции работали на дело индустриализации России. Их направления, отраслевая структура обуславливались внутренними потребностями страны. А во-вторых, значение иностранных инвестиций, о решающем вкладе которых в дело экономической модернизации России любит писать западная историография, безусловно, не было определяющим для экономического роста, поскольку отечественный капитал сохранял лидирующие позиции в народнохозяйственной системе страны⁵⁴⁸.

Россия, пока еще значительно отстававшая от экономически развитых стран Запада, в канун мировой войны вышла на траекторию здорового экономического роста, залогом которого являлась экономическая активность вчерашних крепостных, ставших, с одной стороны, крупнейшими фабрикантами и лидерами делового мира, с другой – пополнившими миллионную массу рабочего класса, руками которого создавался индустриальный потенциал страны.

Благодаря их усилиям империя к началу XX в. вошла в пятерку индустриально развитых держав тогдашнего мира. Модель развития оказалась задана крестьянской реформой 1861 г., а «фактор свободы» стал решающим обстоятельством того, что, по свидетельству авторитетного американского экономиста П. Грегори, «экономический рост и структурные изменения царской экономики в 1885 – 1913 гг. соответствовали образцу современного экономического роста, который испытали на себе индустриально развитые страны»⁵⁴⁹. Разница заключалась лишь в том, что, позже других европейских держав, вступив на путь индустриального развития, имперская Россия прошла и меньший отрезок этого пути.

---

⁵⁴⁷ См.: Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. Рук. проекта В.И.Бовыкин. М., 1997.

⁵⁴⁸ История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX - начало XX века. Рук. проекта Ю.А. Петров. М., 2000. С.125 – 126.

⁵⁴⁹ Gregory P. Op. cit. P.193.